

ОЛЕГ РЫБИН: «ВОСПРИНИМАЮ КАК ПОДАРОК СУДЬБЫ»

От редакции: 15 апреля губернатор Георгий Полтавченко подписал распоряжение о назначении новым главой КГА Олега Рыбина. Буквально на следующий день он заступил в должность, которая вновь объединяет посты председателя комитета и главного архитектора города. Это первый факт, обративший на себя внимание. Кроме того, господин Рыбин в зодческом цеху Санкт-Петербурга на тот момент считался человеком новым, поскольку вся его прежняя биография была связана с другими регионами.

Вместе с тем, практики в организации градостроительного процесса у него предостаточно. В период с 2002-го по 2005-й годы он являлся главным архитектором Нижнего Новгорода, следующие шесть лет работал главным архитектором Нижегородской области, затем стал первым зампредела комитета, аналогичного нашему КГА, только не в Северной столице, а в Первопрестольной. И вот теперь Петербург... Выдержав положенный в таких ситуациях «тайм-аут», мы обратились к Олегу Васильевичу с рядом вопросов. На первый случай было решено ограничиться темами общего характера, рассчитывая в скором времени продолжить разговор уже о некоторых частностях проектного дела, волнующих нашу читательскую аудиторию.

— Приходилось ли вам в своих прежних должностных ипостасях пересекаться с представителями петербургской архитектурной школы? Как тесно и при каких обстоятельствах? В чем, по вашему, усматривается ее «особость», если таковая существует?

— Конечно же, приходилось, и не раз. Площадок для общения архитекторов из разных городов страны достаточно много: фестиваль «Зодчество», различные форумы, конкурсы, пленумы и съезды нашего творческого Союза, Совет главных архитекторов городов и субъектов Российской Федерации. С кем-то мы просто познакомились на таких площадках, с кем-то сложились добрые приятельские отношения.

Кстати, экспертизу Генерального плана Нижнего Новгорода выполняли питерские специалисты. Это была очень обстоятельная, грамотная работа, которая позволила городу утвердить взвешенный документ, разработанный москвичами и проверенный экспертами Северной столицы. Впоследствии наш Генплан удостоился диплома РААСН и получил очень достойную награду в области урбанистики — премию Алексея Гутнова.

Что касается «особости», то ее оценить, видимо, сумеем позже, хотя в целом отечественная архитектурная школа достаточно однородна в силу единства образовательных программ и укorenившихся традиций.

— К чьей инициативе восходит идея «обратной реформации» в системе руководства комитетом (подразумевается возврат к совмещению постов председателя КГА и главного архитектора)? Как это может сказаться на дальнейшей динамике процессов градостроительного и архитектурного проектирования в Северной столице?

— Инициатива была моя, правда, реализовалась она при поддержке СПб СА, где поняли, что это, в действительности, не какой-то шаг назад, а возврат к здравому смыслу. Но самым главным аргументом в пользу такой перемены стала позиция городского руководства, которое настаивало на том, что орган архитектуры и градостроительства опять должен возглавить специалист соответствующего профиля. «Главный архитектор Санкт-Петербурга» — короткое и понятное название, а через тире «председатель КГА» — это скорее дань традиции. Мало кто, к примеру, сходу вспомнит гла-

ву Роспотребнадзора, зато все знают Главного санитарного врача.

Дополнительный административный ресурс для принятия правильных и блокирования неверных решений в динамике градостроительных процессов просто необходим. Его отсутствие, в том числе «благодаря» и положениям Градкодекса РФ, когда главный архитектор даже такого мегаполиса, как Санкт-Петербург, «выключен» из процесса принятия решений по застройке, ничего кроме вреда городам не несет. Этому масса примеров по всей стране.

Могу предложить понятный образ, что называется, из жизни. Представьте, открывается охота, разрешение получить долго, сложно, чиновники замучат — «бумажка на бумажку» — но сезон начался, зверь бежит, птица летит. Что остается охотнику? Становиться браконьером? Это неправомерно и если случается, то должно пресекаться, но... Егерь в лесу не оказалось, а лесники в силу малочисленности и отсутствия полномочий с контрольной функцией не справляются. То есть некому безобразия прекратить. Можно, конечно, уповать на «общую культуру», но когда речь идет о защите леса, а в нашем случае — города и среды обитания, нужны четкие правила и их законопослушные исполнители.

Невнятность многих правовых актов провоцирует их двойственные прочтения, порождая то же самое «браконьерство» и в градостроительстве, причем со стороны всех действующих там лиц. Кто-то попадает в нарушители поневоле, кто-то — по злему умыслу, между тем меру своей ответственности должны понимать и те, и другие.

Впрочем, только формальное совмещение должностей автоматически ничего не решает. Есть примеры и пренебрежения законом, и низвержения авторитетного административного ресурса, но порядок в хозяйстве зависит и от правильной расстановки сил.

— Олег Васильевич, любой прошлый опыт, как позитивный, так и негативный, для чиновника вашего ранга крайне важен. Что из накопленного профессионального багажа вы считаете необходимым привить на весьма консервативной по отношению к архитектурным экспериментам петербургской почве? Вообще, необходимо ли ее слегка оживить неким свежим дыханием, или наша «городская ткань» и без того самодостаточна в своем развитии?

— Действительно, отрицательный опыт хоть обычно достается «дороже», зато и ценится он гораздо выше. Практика работы в Нижнем и Москве складывалась по-разному, изобилуя уроками со знаками как «плюс», так и «минус». Представившуюся теперь возможность сравнить опыт трех городов, прочувствовать их разницу воспринимаю как невероятный подарок судьбы. Это дополнительный и очень важный стимул в работе.

Отвечая на вторую часть вопроса, не стал бы называть «петербургскую почву» консервативной. В некоторых смыслах, она, наоборот, является смелым экспериментом, отличным от остальных российских городов.

— По истечении нескольких месяцев после своего назначения вы не ощущаете себя неким «варягом»? В какой мере конструктивно стали выстраиваться взаимоотношения между СА СПб, другими общественными и саморегулируемыми профессиональными объединениями ваших коллег?

— Период адаптации к моей нынешней архисложной должности по определению не может миновать быстро и безболезненно, тем более у человека, условно говоря, «со стороны». И сначала, и потом ты должен быть готов столкнуться с множеством аспектов, требующих внимательного изучения. Основные из них связаны с историей и особенностями развития города, познанием породных качеств его архитектуры, структуры. Кроме того, положение обязывает заниматься выявлением проблем и поиском способов их решения.

Везде, несмотря на единое федеральное законодательство, имеются свои оттенки правовых регулятивных механизмов, тем более в Санкт-Петербурге, который в последние 15 — 20 лет движется особым либеральным путем в земельно-имущественных отношениях, юриспруденции, формировании, возможно, излишне усложненного правового поля, иногда, к сожалению, совсем забывая о градостроительстве, как таковом.

Похожая ситуация наблюдается по всей стране, но в Петербурге она приобретает свой особый характер, в котором без помощи коллег было бы гораздо сложнее разобраться. Могу сказать совершенно откровенно: взаимопонимание есть абсолютно со всеми. Консультации по оптимизации работы Комитета идут в регулярном режиме, как с Союзом архитекторов, так и с ССОО, застройщиками, смежными подразделениями Правительства Санкт-Петербурга.

— После мая состоялось пока что одно, зато большое и насыщенное тематическое заседание Градсовета. Насколько эффективной вам представляется деятельность этой структуры, сохранится ли ее сложившийся формат?

Градостроительный совет в моем понимании предстает «высшей точкой познания» мира, смысла профессии, людей... В его работе хватает всего: накала, нервов, напряжения и... преодоления. Ведь, согласитесь, градостроительство является искусством компромисса! Поэтому на его заседаниях равнодушных не бывает! Эмоции у всех проявляются по-разному, но это еще интересней: от того, насколько профессионально независимы, не ангажированы коллеги, настолько качественнее получается результат обсуждения! Честность по отношению к делу, профессии, городу, самому себе. Возможно, именно здесь становится понятным, что работа архитектора — не оказание услуг. Его миссия состоит в трансляции знаний, полученных за долгие годы учебы и тех, за которыми потом «гнонешься» всю жизнь.

Эффективность деятельности совета зависит от вышесказанного, помноженного на встроенность решений в реальное правовое поле. Формат работы, на мой взгляд, может измениться, и это сейчас мы активно обсуждаем с Союзом архитекторов, в том числе рассчитывая включить в процесс обсуждения новые темы, новых людей, более тщательно и с участием широкого круга экспертов — градостроителей, архитекторов, экологов, специалистов по транспорту — рецензировать проекты. Кроме того, важно уметь услышать мнение представителей градозащитного движения, историков, краеведов.

Градсовет должен быть не только механизмом принятия консолидированных решений по согласованию или несогласованию конкретных работ, но и центром формирования идеологии поведения профессионального сообщества и ответственности его позиции. Оттого и «градус кипения» страстей там обычно бывает очень вы-

сок — именно этим мне очень понравилось его первое летнее заседание. Хотя уже сама по себе тема, имеется в виду так называемый «Дом Корлякова», над которой «ломались копыя», является ключевой, причем не только для Петербурга.

Отношение к истории и история отношений, историческая правда и адекватность по отношению к историческому процессу — вот в чем необходимо разобраться. Все объекты культурного наследия, иначе говоря, сегодняшние памятники, когда-то были просто работами архитекторов, более или менее удачными. Результат проверяется только временем, однако всегда зависит от меры творческой одаренности и зодчего, и его заказчика. Последний в идеале тоже должен обладать своего рода талантом и, главное, желанием возвести не просто объект недвижимости, а что-то незаурядное и красивое.

Вот и требуется понять, с чем мы имеем дело, определить, в угоду чему — авторскому или безымянному — готовы отказывать сегодня себе в создании полноценного градостроительного решения? Отсюда следует, что экспертиза должна быть комплексной, включать в себя все составляющие — историю, градостроительство и архитектуру, принадлежность к направлениям, стилям, первичность этой принадлежности или известные, не очень талантливые перепевы...

Думаю, что такому «вниманию» не радовался бы даже Д. Адамини (если это действительно его объект), как, наверное, и Кваренги, «встроенный» в фасад Мариинки-2. Они создавали свои произведения совершенно в другом контексте и действовали сообразно ему. Сегодня все изменилось, это факт неоспоримый, как неоспоримо историческое течение времени.

Вот почему некоторые дома словно бы «потерялись» во времени и пространстве. Основная проблема: что с ними делать, как правило, стоит очень остро. И в этом смысле я прекрасно понимаю тех архитекторов, которые ратуют за снос

Дома Корлякова. Но здесь следует изначально зафиксировать позицию и меньше всего хочется превратить объект в очередной «очаг пожара» или точку эскалации конфликта, и так уже доведенного до максимума. Это понимают все — как авторы из «Студии-44», так и их заказчики, специалисты КГИОП и члены Градостроительного совета.

Проект, который, определив неприкосновенность четырех констант, в том числе упомянутый дом и трубу, пройдя по «краю», очень точно и изящно создал новое качество пространства, приняв за его основу известные морфотипы застройки Каменноостровского проспекта. На мой взгляд, искусство людей нашей профессии и состоит в мастерстве собрать все, не теряя самого малого и получая в пространстве исторического города «новую-старую» среду, прекрасную и теплую от такого невероятного наложения эпох. Тогда-то и те самые, «потерявшиеся», дома вдруг вновь начинают «находить» себя.

Это определяющее сегодня — насколько это было правильным и станет ли это признаком времени, для этого было бы интересным заглянуть в будущее...

— Ваша оценка сегодняшнего состояния нормативно-правовой базы, регулирующей градостроительство в Санкт-Петербурге. Все чаще, например, стали высказываться мнения о неадекватности действующего (и вроде бы не так давно принятого) Генерального плана запросам текущего момента и обозримой перспективы, а также о явных взаимных противоречиях в ряде законодательных документов. На каких объектах нормотворчества планируется сосредоточить работу соответствующих служб КГА первым делом?

— Нормативно-правовая база градостроительной деятельности безусловно требует корректуры. И это нормально. Практика правоприменения тех или иных законов, действующих сегодня, выявляет проблемы, которые возникают есте-

О. Рыбин со своими предшественниками на посту главного архитектора города А. Викторовым и Ю. Митуревым, а также президентом СПб СА О. Романовым у Константиновского дворца перед началом работы Съезда строителей СЗФО 29 мая 2013 г.

Заседание Градостроительного совета Санкт-Петербурга 12 июля 2013 г.

ственным образом и устранение дисбаланса есть адекватное реагирование на суть происходящих процессов. Исчерпывающей список того, что предстоит изменить, пока озвучивать рано, хотя некоторые аспекты, требующие первоочередного внимания, можно назвать с уверенностью. Это касается регламентного способа регулирования, например по высотности. Подход «чем дальше от центра, тем можно выше» — сначала 75 метров, потом 90 и т. д. — будучи сформированным исключительно с точки зрения визуально-ландшафтного анализа, является очень поверх-

ностным. Он позволяет строить высотные, как правило, жилые комплексы на границах Петербурга, у КАД, в периферийных районах.

Такой плотный, внешний пояс жилой застройки, для городов с радиально-кольцевой структурой, по мнению экспертов, становится «душающим». В итоге развития по такому сценарию мегаполис рискует задохнуться в тесных объятиях многомиллионных жилых образований, не обеспеченных рабочими местами, социальной инфраструктурой, а улично-дорожная сеть и отставание в ее развитии усугубляют и без того на-

пряженную ситуацию как на юге, юго-востоке, так и на севере. Примеры более чем известны и понятны. Значит, необходимо искать иную модель градорегулирования, основываясь на подробнейшем анализе зафиксированных на сегодня трендов. Есть и иные случаи сомнительных и мешающих созданию комфортной среды обитания постулатов, уже закрепленных в Правилах землепользования и застройки, а также Генплана.

Вызывают сомнения также принципы определения границ функциональных зон. Сугубо технические вопросы проектирования и строительства дорог, объектов инженерной инфраструктуры утопают в процессах «перезонирования», которые длятся годами в форматах всевозможных комиссий, а иногда и становятся поводом для политических манипуляций. Понятно, что возникновение многих «инфекций» такого рода провоцируется несовершенством федерального законодательства. Вместе с тем, ничто не мешает находить свои механизмы регулирования взаимоотношений на региональном и муниципальном уровнях, не нарушая буквы вышестоящего закона. Перед сотрудниками нашего Комитета уже поставлены задачи оптимизировать процессы разработки, согласования и утверждения проектов планировки территорий с внесением изменений, как в постановление № 596, так и в 154-й приказ КГА. Такая работа, имеющая отношение к процедурам подготовки, утверждения, отмены и выдаче новых градостроительных планов земельных участков, уже ведется, причем совместно со Службой госстройнадзора и экспертизы, а также Комитетом ГИОП Санкт-Петербурга.

— **Какие из крупных инвестиционно-строительных проектов признаются нынешним руководством КГА приоритетными? Какова фабула градостроительного развития Петербурга на ближайшее время в территориальном, функциональном, может быть даже и стилевом аспектах?**

— На мой взгляд, наиболее важной для города как в настоящий момент, так и на обозримую перспективу является программа реновации, реконструкции или сохранения через приспособление (можно воспользоваться любым из терминов) его центра, его, если хотите, сердца. Это не просто актуальная, но одновременно крайне сложная и исключительно ответственная задача. Если и дальше откладывать с ее комплексным решением, то Санкт-Петербург попросту начнет утрачивать свое богатое и невосполнимое архитектурное наследие. Такая угроза становится все очевиднее, и, если не запустить механизмы спасения исторического центра, его утрата будет всего лишь вопросом времени.

Однако это отдельный большой разговор, в том числе и о функциональности. Здесь следует принять во внимание, что упоминавшаяся радиально-кольцевая структура города более чувствительна к изменениям функционального зонирования, чем, к примеру, свободная прямоугольная с открытыми внешними границами — так называемая «гипподамова сетка». Через понимание этих особенностей и множества других градостроительных нюансов мы и должны выйти на фабулу развития Петербурга, а по сути — на формирование новой программы для будущего Генерального плана, который определит векторы развития Северной столицы на целое двадцатилетие — с 2015 по 2035 гг.

Записал Андрей Ильин